

Эрудзіраваны, інтэлігентны, тактоўны чалавек, у якім гарманічна спалучаліся патрабавальнасць з добразычлівасцю, справядлівымі адносінамі да людзей, Мікалай Васільевіч з'яўляецца для мяне прыкладам сапраўднага педагога, ср'эзнага і патрабавальнага выкладчыка, які ўмее проста і зразумела сказаць пра самае складанае, ніколі не будзе катэгарычным у адносінах, які своечасова падтрымае, далікатна падкажа, тактоўна параіць, будзе шчыра радавацца поспехам сваіх выхаванцаў. Да такога дыялогу паміж адрасантам (выкладчыкам) і адрасатам (студэнтам) імкнецца кожны педагог, і гэты дыялог будзе працягвацца ўсё жыццё.

Бібліяграфічны спіс

1. Баженова, Е. А., Коммуникативно-прагматический аспект научного текста / Е. А. Баженова // Словесность и современность : Мат. науч. конф. Ч. 2: Лингвистика. – Пермь, 2000. – С. 154–179.
2. Воркачѳв, С. Г. Дискурсная вариативность лингвоконцепта / С. Г. Воркачѳв // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 64. – 2005. –№ 4. – С. 46–55.
3. Бірыла, М. В. Антрапаніміка. Антрапанімія. Антрапанімія паэтычная / М. В. Бірыла // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5-і т. Т. 1. – Мінск, 1984. – С. 128–130.
4. Бірыла, М. В. Націск назоўнікаў у сучаснай беларускай мове / М. В. Бірыла – Мінск : Вышэйшая школа, 1986.–144 с.
5. Баженова, Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности / Е. А. Баженова. – Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 2001. – 272 с.

КАТЕГОРИЯ АКЦЕНТНОСТИ В СТАРОБЕЛОРУССКИХ И СТАРОРУССКИХ СУДЕБНЫХ ДОКУМЕНТАХ XVI ВЕКА

О. А. Климкович (Витебск, Беларусь)

Изучение старорусских и старобелорусских текстов в аспекте исторической стилистики предполагает описание структурно-композиционных особенностей, характеристику устойчивых лексических единиц, выявление стилистически значимых средств морфологического и синтаксического уровней. Одной из важнейших частей в таком исследовании является изучение способов выражения функциональных семантико-стилистических категорий (далее – ФССК). Согласно определению стилистического энциклопедического словаря ФССК – «это разновидность текстовых категорий, отражающая функционально-стилевую дифференциацию речи (типологию текстов)» [6, с. 573]. Среди ФССК наиболее изученными являются категории оценки, диалогичности, гипотетичности, обобщенно-отвлеченности, субъектности, преэмптивности знания и акцентности. Категория акцентности была предметом рассмотрения в работах И. И. Сущинского (термин «акцентирование»), В. П. Москвина, Т. Б. Ивановой [5], Ю. С. Волковой [2; 3], Н. И. Дорцуевой [4]. Большинство из них посвящены научному и публицистическому стилям современного русского языка, особенности выражения категории акцентности в русском и китайском языках проанализированы в работах Чжао Наньнань [8]. Категория акцентности в старобелорусских и старорусских деловых текстах эпохи средневековья не подвергалась подробному изучению.

Среди памятников деловой письменности эпохи Средневековья особую группу представляют жанры судебной письменности. Изучению стилистических особенностей языка старобелорусских судебных текстов посвящены работы Н. В. Полещук [7], старорусских – К. Р. Вагановой [1]. Для текстов судебной письменности характерно: а) отражение особенностей коммуникативной ситуации, которая происходит в судебном процессе, несет на себе отпечаток социально-исторического, национально-культурного, конкретно-ситуативного кон-

текста и учитывает индивидуальные характеристики и намерения коммуникантов; б) в судебных текстах адресант / составитель текста может выступать третьей независимой стороной по отношению к сторонам конфликта, при этом особо подчеркивается важность роли обстановки коммуникации (где, когда и в каком окружении идет судебный процесс); в) адресатом текста выступает как лицо, которое по результатам рассмотрения получило опеределенные санкции, так и обобщенный образ любого человека, которому понадобятся для каких-либо целей сведения из приговоров; в тексте отражается взаимодействие профессиональных и непрофессиональных участников, кроме того в судебных текстах возможно изменение роли коммуникантов в процессе решения спорной ситуации; г) целью такой коммуникации является разрешение конфликта и изменение ситуации, определение значимых последствий для ее участников; д) язык судебных документов отличается диалогичностью, передачей устной речи участников, наличием сниженной лексики, необходимостью отражать нормы действующего законодательства.

Одним из центральных жанров судебной письменности является приговор суда. Старобелорусские судебные приговоры в книгах Литовской Метрики могут быть записаны вместе с другими документами в книги данин или включены в специальные судебные книги высших судов, которые могли храниться в архиве канцелярии и входить в состав Метрики, и в судебные книги нижних судов, которые хранились на местах. В старорусских текстах судебные приговоры упоминаются с XIV века, однако тексты таких документов, которые можно использовать для анализа, фиксируются с начала XV в. И в старобелорусском, и в старорусском языке такие документы имеют разные самоназвания. В текстах Литовской Метрики зафиксированы лексемы *справа*, *вырок*, *судовый лист* и др., в старорусском языке приговоры суда содержались в правых грамотах, правых бессудных грамотах, докладных списках. Материалом для данного исследования стали 25 текстов старобелорусской письменности, извлеченных из Судебной книги витебского воеводы М. В. Ключко (далее СК), жанр которых определен учеными, подготовившими издание, как приговор суда, и 23 текста старорусской судебной письменности, приведенных в различных изданиях актового материала начала XVI века, жанр которых определяется в публикациях как правая грамота. При отборе текстов учитывалось совпадение времени их создания (старобелорусские тексты датированы периодом с 1533 по 1540 г., старорусские тексты – периодом 20–40-х гг. XVI вв.), социальный статус коммуникантов (действующими сторонами судебного разбирательства выступали как лица, имеющие высокий социальный статус, так и крестьяне, мещане и в старобелорусских, и в старорусских текстах), причина обращения истца в суд (денежный долг, оскорбление, нападение на объекты собственности, нанесение телесных повреждений). Достаточно жесткий учет экстралингвистических факторов позволяет говорить об объективности сделанных выводов.

Лингвистами установлено, что ФССК акцентности: а) коррелирует со стилевыми чертами [5, с. 137–138]; б) имеет полевою структуру и включает в себя микрополя уточнения, активизации внимания адресата, оценки, усиления и категоричности / некатегоричности, а важность того или иного микрополя определяется количеством средств их выражения [5, с. 141]; в) каждое из микрополей представлено системой акцентуаторов, под которыми понимаются средства различных языковых уровней, использующиеся для выражения значимых элементов текста, привлечения к ним внимания, при этом отнесение определенного средства к центру или периферии категории базируется в том числе и на таком критерии, как регулярность, частотность акцентуатора [5, с. 50]. Рассмотрим некоторые из них.

Такой важный стилистический признак деловой письменности, как точность, предопределяет активность акцентуаторов, относящихся к микрополю уточнения. Подобные акцентуаторы отмечены во всех структурно-смысловых частях текста (зачине, основной части, концовке). В изученных текстах состав акцентуаторов микрополя уточнения представлен: 1) лексико-грамматическими акцентуаторами (указательные местоимения в различных кон-

струкциях, наречия, частицы с уточняющим и выделительно-ограничительным значением); 2) синтаксическими акцентуаторами (приложения, предложения с придаточной определительной, однородные ряды с обобщающим словом, обстоятельства с уточняющим значением, конструкции с *кроме*, сочинительные ряды с союзами, имеющими градационно-сопоставительное, противительно-отрицательное или добавочное соединительное значение).

1. Среди лексико-грамматических акцентуаторов микрополя уточнения в судебных документах фиксируются следующие:

а) указательные местоимения *тот, такой, таковой, оный, сесь*: «Збезумелся, деи, есми в томъ, ижемъ то учынилъ» (СК, № 12), ... *тымъ* *вбычаемъ*, што ж, деи, «тая внука моя была з нимъ в мальжонъстве ... », ... и нам ся тая присяга не видела, бо то есть речь немалая, а таковыи речи хто што кому даетъ, тогды перед людми добрыми явне то чинить: знашьли есмо того Мартина Черньцова в томъ правого, а *Втрошько* и сын, и внука его *Хоня* *тыхъ* *чоторохъ* *рублевъ* *грошей* на нем ся не доискали (СК, № 60) (ст.-бел.); и *яз*, *государь*, на тот срок на той земле стал, а *митрополичи*, *государь*, на срок на той земле не стали (АФЗХ, I, № 2а), какъ вь семь списку писано (РИБ – 32, № 131);

б) указательные наречия *тут, там, так, тогды*: тамъ же до мене на свадьбу приехали (СК, № 14), ино в Статуте пишеть такъ (СК, № 62), тогды я тотъ мед поставиль былъ у погребѣ (СК, № 63) (ст.-бел.); тако рекъ игумень *Изосима* (РИБ – 32, № 123), да туто же, не сходя с суда (АФЗХ, I, № 1а) (ст.-рус.);

в) наречия *вже, вжо, уже*, указывающие на настоящее время, данный момент, на окончательное совершение, наступление, выполнение чего-либо: Але *вже* того *Капусты* нетъ ... И тотъ *Хроль* поведиль, *иж вжо* былъ ему с ними в том суд ... (СК, № 121) (ст.-бел.); а *уже*, *осподине*, по сроце *осмой* день (АФЗХ, I, № 1а);

г) выделительно-ограничительные частицы *только, одно*: только *вни* тепер з своихъ части *люди* и *челяди* и *земли* потеряли (СК, № 76), *ничого* *статьку* *большь* не *мель*, *вдно* *двое* *клячь* (СК, № 12) (ст.-бел.);

д) частица *жо, же*: тое *именеицо* у *Красиняхъ* нам *жо*, *детемъ* *своимъ*, *втьписала*, в *чом жо* есмо и *г(о)с(по)д(а)ру* его *м(и)л(о)сти* жаловали (СК, № 73) (ст.-бел.); а по *конецъ* тое же *постради* *яма* *новая* (РИБ – 32, № 131) (ст.-рус.);

е) частица *се*: а *се*, *господине*, перед вами *лежит* при *конецѣ* (АФЗХ, I, 1а) (ст.-рус.).

2. Синтаксические акцентуаторы являются самыми частыми акцентуаторами микрополя уточнения и включают в себя:

а) распространенные приложения при именовании субъектов правовых отношений: *Я, Матеи* *Воитеховичъ* *Яновича*, *воевода* *витебъский*, *маршалокъ* *г(оспо)д(а)ра* *короля* его *м(и)л(о)сти*, *державъца* *вольковъский* и *вболецький* (СК, № 73), *боярынъ* *г(о)с(по)д(а)рьский* *Витебъского* *повету* *Янь* *Гарасимовичъ* (СК, № 12) (ст.-бел.); ... *князь* *великий* *Василей* *Иванович* *вса* *Руси* (АФЗХ, I, № 2а), *митрополич* *сын* *боярской* *Басалай* *Григорьев* *сын* *Рогозина* (АФЗХ, I, № 222) (ст.-рус.);

б) придаточные определительные части: *нижли* *што* *ся* *дотычетъ* тое *третее* *части* *меду*, в *которую* *тотъ* *Вльтушько* и *Химинок* жаловаль ... (СК, № 63) (ст.-бел.); *земля*, на *коеи* *стоите*, за *мною* (АРГ, № 194), *деревень*, вь *которыхъ* *деревняхъ* *живуть* *тн* *хрестяня* (РИБ – 32, № 131) (ст.-рус.);

в) ряды однородных членов с обобщающим словом, которые часто используются при перечислении различных лиц, собственности: *именья* *нашы* *втьчызныи*: *яко* *дворы*, *такъ* и *пашъни* *дворныи* и *земли* *пашны[и]*, и *не* *пашъныи*, *слуги* *путьныи* и *люди* *тягълыйи*, и *челяд* *невольную*, и *рухомыйи* *речи*, и *гаи*, и *леса*, и *сеножати*, и *дерева* *бортъные*, и *взера*, и *бобровые* *гоны*, и *ловы* *зверынъныи*, и *пущи*, и *дворища* в *Замъку* (СК, № 76) (ст.-бел.); *пашеть* *три* *починки* *силно*: *поч.* на *Дору*, *поч.* *Костинъ*, *поч.* *Холмъ*, *тому* *7* *лѣтъ* (АГР, I, № 55) (ст.-рус.);

г) обстоятельства с уточняющим значением: *Писан* у *Витебъску*, под *лет(ы)* *Бож(его)* *нарож(енья)* *1540*, *м(есе)ца* *апреля* *23* *день*, *день* *Светого* *Юря*, в *пятьницу*, на *четверътой*

недели по Велице дни, индикта тринадцатого (СК, № 191) (ст.-бел.); к своей вотчине к селцу к Лысцову (Лихач., № 9), учинити срок стати им на Москве у поля на другой неделе Петрова говенья, в пятницу лета 7029 (АФЗХ, I, № 1а) (ст.-рус.);

д) конструкции с *кромѣ, опрочь*: то теж мають вни и жоны, и дети ихъ вечно держати, кромѣ тую вышеипсаную пуцу на Сорицы (СК, № 76) (ст.-бел.); «Есть ли у тебя на ту пол-деревни иной доводъ, опрочь матери твоей даной?» (РИБ –32, № 125) (ст.-рус.);

е) сочинительные ряды с союзами, имеющими

– градационно-сопоставительное значение *яко ... , так и*: внъ держити имения наши втѣчызныи: яко дворы, такъ и пашъни дворныи (СК, № 76) (ст.-бел.);

– противительно-отрицательное значение *не ... , але, не только...*, *але*: ... Ждан мениль ихъ, же вни не суть сыновг того небожчика Яцьковы Хведковича, але пасынки (СК № 73), «Не толко, деи, сем, але мы вси с поплечъники своими, вся тридцетъ насъ» (СК, № 86), «Я деда своего не помню, а и втѣца мало пометаю» (СК, № 117) (ст.-бел.);

– добавочное соединительное значение *также, тако ж*: ино дельчыѣ той Вльгини лесу на то место тако ж мають придати и зровънати (СК, № 94) (ст.-бел.).

Анализ текстов показывает, что старобелорусские и старорусские судебные документы первой половины XVI века имеют сходный перечень акцентуаторов, относящихся к микрополю уточнения категории акцентности. Отличия проявляются: а) в наличии в старобелорусских текстах таких акцентуаторов, как выделительно-ограничительные частицы *только, одно*, сочинительных рядов с градационно-сопоставительным, противительно-отрицательным, добавочно-соединительным значением, а в старорусских текстах частицы *се*; б) в выборе акцентуаторов, имеющих синонимичное значение: *кромѣ* в ст.-бел. текстах, *опричь* – в ст.-рус.; в) в активности использования одинаковых акцентуаторов: в ст.-бел. текстах так представлено в отдельных документах, в ст.-рус. текстах соответствие тако многократно повторяется в одном тексте.

Список источников

2. АГР, I – Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский, 1860–1863. – Т. 1. – 1860. – 500 с.
3. АРГ – Акты русского государства 1505–1526 гг. [Текст] : [Сборник] / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ин-т рус. яз. ; [Сост. акад. С. Б. Веселовский]. – Москва : Наука, 1975. – 435 с.
4. Лихач. – Лихачев, Н. П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках / Вып. 1, Вып. 2. Духовные и сговорные грамоты. Грамоты правые / Н. П. Лихачев. – Санкт-Петербург : тип. В. Балашева и К., 1895. – 272 с.
5. РИБ – 32 – Русская историческая библиотечка, издаваемая Археографическою комиссією : в 39 т. / Петроградъ, 1915. – Т. 32. – 478 с.
6. СК – Судебная книга витебского воеводы, господарского маршалка, волковыского и оболецкого державцы М. В. Клочко. 1533–1540 (Литовская метрика. Книга № 228. Книга судных дел № 9) / М.: Наука, 2008. – 525 с.

Библиографический список

1. Ваганова, К. Р. Розыскной деловой документ XVII–XIX вв.: жанрово-стилистические и коммуникативно-прагматические особенности : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / К. Р. Ваганова. – Омск, 2012. – 258 л.
2. Волкова, Ю. С. Комплекс акцентуаторов в политическом телевизионном свертке / Ю. С. Волкова // Гуманитарные науки и образование. – 2020. – Т. 11, № 1(41). – С. 122–129.
3. Волкова, Ю. С. Средства акцентности в политическом телеэфире: полевой аспект / Ю. С. Волкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 5–16. – DOI 10.17072/2073-6681-2023-1-5-16.
4. Дорцуева, Н. И. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности текстов научно-популярного дискурса / Н. И. Дорцуева // «Вестник КРСУ». – 2011. – Т. 11, № 1. С. 73–77.

5. Иванова, Т. Б. Функциональная семантико-стилистическая категория акцентности в русских научных текстах: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Т. Б. Иванова. – Пермь, 1988. – 202 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта : Наука, – 2006. – 696 с.
7. Паляшчук, Н. В. Жанравыя асаблівасці старабеларускіх выракаў [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://elib.bspu.by/bitstream/doc/36840/1/ЖАНРАВЫЯ_асаблівасці.pdf?ysclid=lmnhpprllk762139398. – Дата доступа: 02.09.2023
8. Чжао Наньнань Лексико-грамматические средства реализации категории акцентности в русском и китайском политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. фил. наук : 10.02.20 / Чжао Наньнань ; БГУ. – Минск, 2020. – 35 с.

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

С. Г. Климченко (Минск, Беларусь)

В теории дискурсологии одним из сложно определяемых типов ввиду многообразия его природы, интерпретируемой по-разному разными учеными, является художественный дискурс.

Вопросы дискурса в литературоведческом контексте рассматривали в своих исследованиях такие лингвисты, как Т. Ван-Дейк, М. Холлидей, Р. Фаулер, М. Фуко, Р. Барт, В. Изер, Ц. Тодоров, Д. С. Лихачев, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман, П. А. Ковавлев, Т. Ф. Плеханова, И. П. Смирнов, Н. Д. Тамарченко, А. Н. Безруков, В. А. Миловидов, Т. Б. Радбиль и др.

Например, А. Н. Безруков (2017) определяет художественный дискурс как «форму связности номинативных корпусных образований со стороны автора и как сферу постоянной актуализации смысловых значений со стороны читателя» [1, с. 45]. Исходя из этого, данный тип дискурса трактуется им как иерархически выстроенная «взаимосвязь парадигмальных языковых форм, функционально существующих в сознании реципиента-читателя» [1, с. 45].

А. Петтерсон (2005) среди ведущих качеств художественного дискурса выделяет такие взаимозависимые компоненты, как экспрессивность, репрезентативность и форма [2, с. 85].

В понимании В. А. Миловидова (2016) художественный дискурс представляет собой «мыслительно-речевую практику», фокусом внимания которой является «эстетический объект, а инструментом – специализированный язык словесного искусства, язык художественной литературы» [3, с. 13].

Дискурс художественного произведения можно определить как высшую точку, в которой конкретизируется эстетическая мысль автора. Кроме того, он служит своеобразным ориентиром оценки окружающей действительности на каком-то определенном историческом этапе развития [1, с. 48].

По мнению Н. Д. Тамарченко (2004), художественный дискурс воплощает в себе творческую деятельность особого рода, где авторский замысел предшествует использованию языковых средств [4, с. 22].

Е. В. Первенцева (2007) считает, что дискурс художественного произведения отличается от всех других видов дискурса прежде всего наличием креативной свободы для автора, что значительно увеличивает возможности интерпретации, расширяя семантические возможности лексических единиц [5, с. 7].

Действительно, наряду с передачей предметно-логической информации данный тип дискурса содержит также образный и эмоционально-оценочный компоненты. Исходя из этого,